

Этнографическое обозрение

1898 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 316
ББК 60.5
Э91

Э91 Этнографическое обозрение: 1898 2 / – М.: Книга по Требованию, 2013. – 215 с.

ISBN 978-5-517-93081-1

Издание Этнографического отдела Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1898 года

ISBN 978-5-517-93081-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Печатано съ разрѣшеніа Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естественнаго
Антропологіи и Этнографіи.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
I. „Медвѣжья присяга“ и тотемическія основы культа медвѣдя у остяковъ и вогуловъ. Гл. I. <i>П. Харузина</i> . . .	1
II. Очерки быта южно-русскихъ болгаръ. I. Родинные и свадебные обычаи. <i>Н. Державина</i>	37
III. Технические приемы творчества въ великорусской народной лирической поэзіи въ связи съ поэтическими мотивами. <i>Вл. Карпова</i>	68
IV. О погребальныхъ обрядахъ:	
I. Остатки язычества въ погребальныхъ обрядахъ Малоросіи. <i>Хр. Яцуржинскаго</i>	98
II. Малорусскіе обряды, повѣрья и заплатаки при похоронахъ. <i>А. Н. Маминки</i>	96
III. Новогреческія похоронныя причитанія и представленія о загробной жизни. <i>Ело-же</i>	107
V. О народныхъ средствахъ врачеванія въ связи съ повѣрьями. <i>Гр. Верещагина</i>	113
VI. Смѣсь:	
„Женитьба комина“ и „женитьба свѣчки“. (Изъ записокъ собирателя). <i>П. В. Шейна</i>	152
Къ исторіи народнаго театра. IV. „Царь Максимиліанъ“. (Вариантъ 2-й). <i>А. Е. Грузинскаго</i>	161
Духовные стихи, записанные въ Минской губ. <i>А. Е. Грузинскимъ</i> , въ Тульской губ. — <i>Д. И. Успенскимъ</i> , въ Московской губ. — <i>С. И. Лапшинимъ</i> , въ Вологодской — <i>П. А. Дилакторскимъ</i>	168

VII. Критика и библиографія.

Стр.

1 Книги и ученые изданія	187—199
A. Vierkandt. Die Entstehungsgründe neuer Sitten. Н. X. (187).—Великорусскъ въ своихъ пѣсняхъ, обрадахъ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ, сказкахъ, легендахъ и т. п. Матеріалы, собранные и приведенные въ порядокъ П. В. Шейномъ. Т. I, вып. 1. А. Соболевскаго и Вл. Б. (189). Простонародныя загадки. Собралъ въ Витебской губ. Н. Я. Никитинъ. <i>Ем. Ляцкаю</i> (196).—L'Année sociologique, publiée sous la direction d'Emile Durkheim. I. 1896—1897. Н. X. (197).	
2. Обзоръ газетъ и журналовъ 1897—1898 гг.	200—202
3. Новости этнографической литературы	203—205
VIII. Вопросы и отвѣты. (Собіраніе пословицъ, загадокъ, заговоровъ, снотолкованій и пр.)	206
IX. Извѣстія и замѣтки. (Научныя командировки отъ Этнографическаго Отдѣла И. О. Л. Е., А. и Э.—Этнографическое бюро кн. В. Н. Тенишева).	207
Объ изданіи „Эминскаго Этнографическаго Сборника“.	208

„МЕДВѢЖЬЯ ПРИСЯГА“

И

Тотемическія основы культа медвѣдя у остяковъ и вогуловъ.

1.

Фактъ существованія у остяковъ и вогуловъ такъ называемой „медвѣжьей присяги“ пользуется широкою извѣстностью: къ ней часто прибѣгаетъ обвиняемый для доказательства своей невинности. Очистительная клятва медвѣдемъ считается одной изъ наиболѣе сильныхъ, и лицо, согласившееся воспользоваться этимъ видомъ судебного доказательства, освобождается отъ подозрѣнія въ совершеніи проступка или преступленія. Неудивительно, что значеніе, которое придаютъ остяки и вогулы „медвѣжьей присягѣ“, равно и оригинальность ея обратили на себя вниманіе какъ ученыхъ изслѣдователей, такъ и администраторовъ: первые многократно отмѣчали фактъ ея существованія, въ качествѣ интересной подробности, иллюстрирующей вѣрованія описываемыхъ ими народностей, вторые воспользовались мѣстнымъ обычаемъ и дали „медвѣжьей присягѣ“ право гражданства при судебныхъ разбирательствахъ, когда отвѣтчиками являлись некрещенные инородцы, или когда послѣднихъ приводили къ присягѣ въ подданствѣ. Способы принесенія присяги были различны.

Приводимъ свидѣтельства нѣкоторыхъ изслѣдователей, описывающихъ приемы принесенія „медвѣжьей присяги“.

О присягѣ остяковъ на медвѣжьей шкурѣ упоминаетъ еще Григорій Новицкій. Онъ же сообщаетъ способъ принесенія присяги въ подданствѣ: на кожу медвѣдя они кладутъ топоръ, присягающимъ подаютъ ножъ, снятый съ кожи медвѣдя; на концѣ ножа кусокъ хлѣба. Толмачъ говоритъ при этомъ слѣдующую формулу: „Аще лестію сію клятву утвораете и неправедно служить и радѣть въ отда-

ни ясаку будете, звѣрь сей отмщеніе вамъ да будетъ, и отъ него смертію да постраждете. Хлѣбъ сей и ножъ да погубить тя, аще не правдою (и?) вѣрностію, ею-же общаешься, творыти хочещи“¹⁾).

Палласъ почти буквально повторяетъ свѣдѣнія Новицкаго: „Когда присягать новому государю, то собираютъ ихъ (остяковъ) вмѣстѣ въ кучу, кладутъ топоръ, которымъ прежде рубили медвѣдя или медвѣжину, даютъ каждому изъ присутствующихъ съ ножа кусокъ хлѣба и заставляютъ присягающаго произнести слѣдующую формулу: „если я моему государю до конца моей жизни вѣренъ не буду, своевольно отпаду, должнаго ясака не заплачу и изъ моей земли отъиду, или другія невѣрности омажу: то чтобъ меня медвѣдь изорвалъ, кускомъ симъ, который ѣмъ, чтобъ мнѣ подавиться, топоромъ симъ да отрубятъ мнѣ голову, а ножомъ симъ, чтобъ мнѣ заколоться“²⁾).

Этотъ видъ присяги является наиболѣе сложнымъ, такъ какъ къ клятвѣ медвѣдемъ присоединена еще клятва хлѣбомъ, ножомъ и топоромъ: очевидно, что важность событія, служащая причиной приведенія остяковъ къ описанной присягѣ, побуждала администраторовъ не ограничиваться одной клятвой медвѣдемъ, но усиливать ее соединеніемъ нѣсколькихъ видовъ клятвъ въ одну. Иногда, съ этими же цѣлями и при этомъ же поводѣ, остяковъ заставляли произносить клятву на медвѣжьей шкурѣ и съѣдать медвѣжье мясо. „Если ихъ поставятъ на колѣни на медвѣжьей кожѣ, пишетъ Палласъ, то, по совершеніи присяги, каждый изъ нихъ долженъ откусить медвѣжины, при чемъ многіе для оказанія ревности, зубами вытеребливаютъ шерсть“.

Другой способъ принесенія клятвы на медвѣдь описанъ Кастреномъ. Остякъ, подозрѣвающій кого-нибудь въ совершеніи преступленія, можетъ требовать отъ него очистительной присяги надъ медвѣжьей головою. Обвиняемый разрѣзываетъ ножомъ медвѣжій носъ и произноситъ: „если моя клятва ложна, да сожретъ меня медвѣдь“³⁾. Вѣра въ дѣйствительность клятвы настолько силь-

¹⁾ Краткое описаніе о народѣ остякомъ, соч. Гр. Новицкимъ, 1715 г., стр. 53, 54.

²⁾ Палласъ: Путешествіе, III, полов. 1 ая, стр. 74.

³⁾ Этнографическія замѣчанія и наблюденія, — въ Этнограф. Сборникъ, 1858. IV, стр. 311—312.

на, что, по словамъ Кастрена, обвиняемый, если онъ дѣйствительно виновенъ, предпочтетъ сознаться въ преступленіи, но не рѣшится на ложную клятву. Поэтому лицо, очистившее себя присягой, „навсегда уже считается совершенно чистымъ и безупречнымъ. Потонетъ ли же кто, или сгоритъ, или кого съѣстъ медвѣдь, про того говорятъ, что онъ при жизни своей далъ ложную присягу“.

П. Третьяковъ въ статьѣ „Туруханскій край“ (Запис. И. Р. Г. О. по отд. Геогр. 1869, 2) сообщаетъ слѣдующее описаніе очистительной присяги у остяковъ: „Даютъ виновному медвѣжій зубъ, который онъ и долженъ грызть, или медвѣжье ухо, которое онъ обязанъ рубить топоромъ и цѣловать. Если обвиняемый все это исполнить и не сознается, а между тѣмъ подозрѣніе на него сильно, тогда приносятъ еще шкуру горностая и заставляютъ цѣловать ножку убитаго животнаго“ ¹⁾.

Одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей быта остяковъ и вогуловъ, Н. Л. Гондатти, сообщаетъ также о существованіи „медвѣжьей присяги“ у инородцевъ сѣверо-западной Сибири. Клятва произносится надъ лапой или мордой медвѣдя; дающій клятву грызетъ лапу или три раза замахивается топоромъ надъ висящимъ на деревѣ черепомъ медвѣдя, „говоря, пусть его медвѣдь также загрызетъ и загубитъ, какъ это онъ дѣлаетъ теперь съ головой и ногой“ ²⁾.

Алквистъ ³⁾ упоминаетъ объ интересномъ обычаѣ вогуловъ, заключающаго союзъ, скрѣпляющій послѣдній „медвѣжьей присягой“: русскіе и вогулы, отправляясь совместно на охоту, иногда клянутся другъ другу въ вѣрности, причемъ или дѣлаютъ ножомъ надрѣзъ въ головѣ медвѣдя или кусаютъ ее. Нарушающій вѣрность при охотѣ будетъ, по убѣжденію вогуловъ, раздѣляемому и русскими, съѣденъ медвѣдемъ.

Въ собраніи обычаевъ инородцевъ Тобольской губ.—вогуловъ, остяковъ и самоѣдовъ, изданномъ Д. Я. Самоквасовымъ, мы снова встрѣчаемъ свѣдѣнія о способѣ принесенія „медвѣжьей присяги“ при судебныхъ разбирательствахъ, когда улики окажется недоста-

¹⁾ Е. И. Якушкинъ: Обычное право, II, стр. 382.

²⁾ Н. Л. Гондатти: Культъ медвѣдя у инородцевъ сѣв.-зап. Сибири, — въ Трудяхъ Этнографическаго Отд. И. О. Л. Е. А и Э., т. VIII, стр. 78.

³⁾ Ahlquist: Unter Wogulen und Ostjaken, стр. 172.

точно для установленія виновности отвѣтчика, принимающій присягу долженъ, стоя на коленяхъ, поцѣловать медвѣжью голову, или укусить медвѣжій зубъ или кожу ¹⁾).

Еще Палласъ, описывая присягу медвѣдемъ, отмѣчаетъ, что клятва медвѣдемъ не оказывается исключительной особенностью остяковъ. „Подобныя присягой обязательства, пишетъ онъ, ²⁾ гдѣ медвѣжина за главнѣйшую штуку ходитъ, въ большей части инородческихъ въ Сибири народовъ въ употребленіи“. Дѣйствительно медвѣдь пользуется поклоненіемъ у многихъ изъ нашихъ сѣверныхъ инородцевъ; неудивительно поэтому, что и присяга на медвѣдь встрѣчается у нѣкоторыхъ изъ нихъ. Сами способы принесенія присяги мало представляютъ отличій отъ пріемовъ, употребляемыхъ у вогуловъ и остяковъ. Такъ, напр., относительно самоѣдовъ Кастренъ сообщаетъ въ числѣ описываемыхъ имъ нѣсколькихъ видовъ присяги между прочимъ и клятву на медвѣдь. Вѣруя, что послѣдній—могучее божество, самоѣдъ при клятвѣ разрубаетъ медвѣжью голову. Клятва медвѣдемъ признается, по словамъ Кастрена, самой сильной, потому что самоѣды считаютъ медвѣдя могущественнѣе даже своего фетиша (хаи), которымъ также клянутся при судебныхъ разбирательствахъ. Некрещенымъ самоѣдамъ разрѣшалось въ русскихъ судахъ приносить присягу по ихъ обрядамъ. ³⁾ Вышеприведенныя правила о присягѣ медвѣдемъ, сообщаемыя въ „Сборникѣ обычнаго права сибирскихъ инородцевъ“, относятся не только къ вогуламъ и остякамъ, но и къ самоѣдамъ: присяга медвѣдемъ служила очистительной присягой. Въ изложеніи Кастрена, однако, есть данныя, позволяющія думать, что къ медвѣжьей присягѣ прибѣгалъ не обвиняемый, а истецъ: этотъ послѣдній, по словамъ изслѣдователя, разбивалъ фетиша, сдѣланнаго изъ снѣга, дерева или земли, убивалъ собаку и, обращаясь къ подозрѣваемому, говорилъ: „если ты укралъ, то падешь, какъ эта собака“. Въмѣсто фетиша употреблялась иногда медвѣжья голова, которая, повидимому, разрубалась не отвѣтникомъ, а истцомъ ⁴⁾).

¹⁾ Д. Я. Самохвасовъ: Сборникъ обычн. права сибирскихъ инородцевъ, стр. 16. Ср. Ahlquist Unter Wogulen und Ostjaken, стр. 298.

²⁾ Палласъ, I. с., стр. 74.

³⁾ Этнографическій Сборникъ. 1858, IV, стр. 295.

⁴⁾ Ibid. стр. 295.

У юраковъ, по словамъ П. Третьякова, обвиняемый цѣлуется медвѣжьей шкуру, послѣ чего одинъ изъ стариковъ беретъ топоръ и со словами: „чтобъ медвѣдь изорвалъ виновнаго“—дѣлаетъ видъ, что онъ хочетъ разсѣчь шкуру животного.

Среди различныхъ видовъ очистительной клятвы, принимаемой у якутовъ въ качествѣ судебного доказательства, встрѣчается также „медвѣжья присяга“. Въ случаяхъ подозрѣнія лица въ совершеніи кражи, „сперва увѣщываютъ обвиняемаго, пишутъ напр. г. Шукинъ, обнадеживаютъ его прощеніемъ, лишь бы заплатилъ, что стоитъ украденное; но когда видятъ, что слова бесполезны, приносятъ въ юрту медвѣжью голову и кладутъ на полъ подлѣ огня; въ то же время ставятъ на огонь въ горшкѣ масло. Обвиняемаго ставятъ на колѣни и велятъ произнести слѣдующія слова: „если я говорю неправду, пусть масло это пройдетъ мнѣ сквозь животъ, чтобъ мнѣ не принимать никакой пищи, и чтобъ медвѣдь такъ меня изѣлъ, какъ я теперь буду кусать его“. Тутъ велятъ ему выпить немного масла и три раза укусить медвѣжью голову, а на свою голову насыпать пеплу. „Клятва эта столь важна, добавляетъ цитруемый авторъ, что рѣдкій якутъ рѣшится на нее; скорѣе онъ скажетъ: хотя я и не виноватъ, но обязуюсь платить, лишь бы миновать присяги“¹⁾).

Дальше, пишетъ г. Третьяковъ, практикуютъ слѣдующій способъ „медвѣжьей присяги“: собираются всѣ окрестные жители и, образовавъ кругъ около пылающаго костра, бросаютъ въ огонь медвѣжью лапу вмѣстѣ съ когтями. Пока лапа горитъ, присутствующіе держатъ руки надъ костромъ. Черезъ это виноватый долженъ свести руки. О присягѣ „на цѣльной шкурѣ медвѣжьей головы“ у китайскихъ тюрковъ упоминаетъ и П. И. Небольсинъ²⁾.

Не увеличивая числа аналогій къ „медвѣжьей присягѣ“ у остяковъ и вогуловъ, мы ограничимся замѣчаніемъ, что она существуетъ одновременно и весьма часто соединяется съ другими видами очистительной клятвы, преимущественно съ тѣми, видами, которые основаны на фетишизмѣ. Остатки также, какъ и самоѣды, изувѣчивали идола-фетиша, вызывая божество изувѣчить ихъ такъ же, какъ

¹⁾ Н. С. Шукинъ: Якуты, — въ Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ, 1854, ч. VII, стр. 19.

²⁾ Замѣтки по пути изъ Петербурга въ Барнаулъ. Отечеств. Зап. 1849, LXV, стр. 190.

они изувѣчили идола: этому послѣднему нерѣдко отрѣзали носъ или уродовали другимъ образомъ ¹⁾. Что же касается до клятвы ножомъ, хлѣбомъ, топоромъ у остяковъ, соединенія клятвы медвѣдемъ съ клятвой на маслѣ у якутовъ, то эти виды слѣдуетъ отнести къ широко распространеннымъ приемамъ присяги, въ основѣ которыхъ лежитъ анимистически-фетишистское представленіе о неодушевленныхъ предметахъ.

Извѣстно, что дикари на примитивной ступени развитія не знаютъ дѣленія предметовъ видимаго міра на одушевленные и неодушевленные: каждый неодушевленный предметъ имѣетъ свою душу, свое второе я, дающее ему жизнь. Персонифицируя весь видимый міръ, перенося на него свои, человѣческія ощущенія, дикарь надѣляетъ жизнью и способностью къ разумной дѣятельности не только камни, деревья и пр., но и свои орудія, оружіе, предметы обихода, пищу и пр. Въ этой чертѣ психологіи первобытнаго человѣка слѣдуетъ искать источникъ возникновенія присяги, приносимой на неодушевленныхъ предметахъ, имѣющей столь широкое распространеніе среди нѣкоторыхъ инородцевъ Россіи и находящей себѣ многочисленныя аналогіи среди способовъ присяги у некультурныхъ племенъ разныхъ материковъ. Развитіе религіозныхъ представленій не измѣняетъ приемовъ этого рода клятвы: оно отражается лишь на внутреннемъ смыслѣ, который ей придается. Если на низкихъ стадіяхъ культуры присягающій видитъ, что данный предметъ, не имѣющій религіознаго значенія (ножъ, топоръ, ружье, копье и пр.), самъ по себѣ можетъ покарать принимающаго ложную присягу, то съ поднятіемъ религіознаго уровня эта вѣра замѣняется убѣжденіемъ, что то или другое сверхъестественное существо изберетъ орудіемъ своей мести предметъ, на которомъ произносятся присягу.

Психологическое основаніе „медвѣжьей присяги“ совершенно иное: присягающій вызываетъ существо, признаваемое сверхъестественнымъ, покарать его за ложь, и употребляемые для этого приемы лишь символически подчеркиваютъ этотъ вызовъ.

Очевидно, что въ указанныхъ способахъ очистительной присяги у инородцевъ сказывается убѣжденіе, что виновный въ лжеприсягѣ будетъ въ болѣе или менѣе непродолжительномъ времени нака-

¹⁾ Палласъ. Путешествіе III, пол. 1-ая, стр. 73-74.

занъ медвѣдемъ. Отличіе подобной присяги, принимаемой при разбирательствѣ въ качествѣ судебного доказательства, отъ „божьяго суда“ ордалій заключается главнымъ образомъ въ вѣрованіи, что кара со стороны сверхъестественнаго существа наступаетъ не немедленно, какъ это имѣетъ мѣсто при примѣненіи ордалій, а по истеченіи извѣстнаго, большею частью неопредѣленнаго срока. Въ данномъ случаѣ медвѣдь долженъ покарать присягающаго ложно. Почитаніе медвѣдя настолько широко распространено среди остяковъ, вогуловъ, равно и у другихъ нашихъ сѣверныхъ инородцевъ, что существованіе „медвѣжьей присяги“, т. е. клятвы животнымъ, признаваемымъ за одаренное сверхъестественными силами и способностями, оказывается исполнѣ естественнымъ.

Свѣдѣнія о почитаніи медвѣдя у остяковъ, вогуловъ и другихъ финскихъ народностей, далѣе у самоѣдовъ, бурятъ, якутовъ, гольдовъ, гиляковъ и т. д. чрезвычайно многочисленны въ нашей этнографической литературѣ. Извѣстнымъ оказывается и фактъ широкаго распространенія культа медвѣдя у айновъ, въ разныхъ мѣстностяхъ Америки и въ Австраліи. Въ настоящее время даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ среди русскихъ инородцевъ мы встрѣчаемъ наиболѣе яркое выраженіе культа медвѣдя, едва ли есть основаніе видѣть въ этомъ культѣ что нибудь большее, чѣмъ проявленіе зоолатріи. Поклоненіе животнымъ, которое, какъ извѣстно, можно встрѣтить у цѣлой массы стоящихъ на разныхъ ступеняхъ культуры народностей, не представляетъ однако характера неподвижности: оно какъ, и всякое проявленіе религіознаго чувства, подвержено измѣненіямъ въ зависимости отъ религіозно-нравственнаго и умственнаго роста племени, отъ измѣненія самихъ представленій о сверхъестественныхъ существахъ.

Являя цѣлый рядъ сходныхъ чертъ, зоолатрія у разныхъ народовъ, въ разнообразныхъ своихъ проявленіяхъ, можетъ имѣть и различные источники происхожденія. Дѣйствительно, общимъ источникомъ ея оказываются всегда анимистическія вѣрованія дикарей, но на этой анимистической основѣ поклоненіе животнымъ можетъ появиться какъ результатъ или страха дикаря предъ наиболѣе крупными представителями фауны, или поклоненія полезнымъ животнымъ, или наконецъ какъ слѣдствіе тотемизма или фетишизма. Какой изъ этихъ источниковъ лежитъ въ основѣ почитанія инородцами медвѣдя? Отъ рѣшенія этого вопроса зависитъ